

Славяноведение, 2025, № 4, с. 101–108

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2025, No. 4, pp. 101–108

DOI: 10.31857/S0869544X25040085, EDN: VABWLW

Оригинальная статья / Original Article

Мотив (не)дома в боснийской литературе о беженцах

© 2025 г. Е.В. Шатько

Институт славяноведения Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

eshatko@gmail.com

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ по проекту 24-28-00403 «Репрезентация и преодоление травматического опыта национального прошлого в литературах Центральной и Юго-Восточной Европы (последняя треть XX – начало XXI вв.)».

Аннотация. В статье рассматривается реализация мотива дома в современной боснийской литературе беженцев, т.е. в произведениях, написанных беженцами или о них. Материалом для исследования стали сборники рассказов «Дневник переселения» Дж. Карахасана, «Сараевское Мальборо» М. Ерговича и романы «Три одиночества, или Место незавершенных дел» В. Капор и «Поймать зайца» Л. Басташич. Для Карахасана и Ерговича дом становится пространством разрушающимся – буквально и метафорически, для Капор – это пространство памяти, символ давно утраченного, но необходимого для целостности личности. В романе Басташич утраченный дом отнюдь не идеализуется, он резко противопоставлен цивилизованному *home*. В осажденной литературе дом теряет свою защитную функцию, поскольку, понимаемый как конкретное здание или же как город в осаде, сам становится источником опасности. Дом перестает быть местом действия, убежищем, он переносится в пространство памяти, становится призрачным, иллюзорным и недостижимым. Большинство персонажей литературы беженцев (безуспешно) стремится (вос)создать дом или же вернуть утраченный. Травма утраты дома в большинстве произведений оказывается непреодолимой (кроме романа «Три одиночества...»).

Ключевые слова: литература травмы, литература беженцев, мотив дома, пространство, Миленко Ергович, Джевад Карахасан, Весна Капор, Лана Басташич.

Ссылка для цитирования: Шатько Е.В. Мотив (не)дома в боснийской литературе о беженцах // Славяноведение. 2025. № 4. С. 101–108. DOI: 10.31857/S0869544X25040085, EDN: VABWLW

The Motif of (Not)Home in Bosnian Refugee Literature

© 2025 Evgeniia V. Shatko

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

eshatko@gmail.com

The research was conducted with the support of the Russian Science Foundation grant under project 24-28-00403 «Representation and Overcoming of Traumatic Experience of National Pasts in the Literatures of Central and Southeastern Europe (late third of the twentieth – early twenty-first centuries)»

Abstract. The article explores the motif of home in contemporary Bosnian refugee literature. The study focuses on the short story collections «Sarajevo, Exodus of a City» by Dž. Karahasan, «Sarajevo Marlboro» by M. Jergović, and the novels «Tri samoće ili mjesto nedovršenih stvari» by V. Kapor and «Catch the Rabbit» by L. Bastašić. For Karahasan and Jergović, home becomes a space of destruction, both literally and metaphorically. For Kapor, it is a space of memory, that symbolizes something lost but necessary for the wholeness of the self. In contrast, in Bastašić's novel, the lost home is not idealized at all; it is sharply contrasted with a civilized *home*. In besieged literature, home loses its protective function, as it is understood as a specific building or as a city under siege, thus becoming a source of danger itself. The home ceases to be a site of action or refuge; it is transposed into the realm of memory, becoming ghostly, illusory, and unattainable. Most characters in refugee literature (unsuccessfully) strive to (re)create a home or retrieve what has been lost. The trauma from losing a home often proves to be insurmountable (with the exception of the novel «Tri samoće»).

Keywords: literature of trauma, refugee literature, motif of home, space, Miljenko Jergović, Dževad Karahasan, Vesna Kapor, Lana Bastašić.

For citation: *Evgeniia V. Shatko.* The Motif of (Not)Home in Bosnian Refugee Literature // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Science = Slavyanovedenie. 2025. No. 4. P. 101–108. DOI: 10.31857/S0869544X25040085, EDN: VABWLW

Мир, как и его художественное воплощение, в своем разнообразии и многомерности характеризуется пространством. Т.В. Топорова, исследовательница древнеисландской модели мира, писала, что категории пространства и времени в силу своей универсальности и всеобъемлющего характера «формируют пределы, в которых разворачивается человеческая жизнь», тем самым они определяют все остальные категории, связанные с антропоцентрической сферой: судьбу, право, социальное устройство [Топорова 1994, 75]. Согласно мифологической модели мира границы своего рода пространственных кругов концентрически расходятся от человека: ближний круг — сам человек, следующий — дом [Маслова 2004, 82]. Мотив дома является значимым в бесчисленном количестве литературных произведений с древних времен до современности, Ю.М. Лотман писал об универсальности этого мотива, возводя его появление к фольклору, для которого характерно также противопоставление дома как пространства «своего, безопасного, культурного, охраняемого покровительственными богами пространства» «антидому» — «чужому, дьявольскому пространству, месту временной смерти, попадание в которое равносильно путешествию в загробный мир» [Лотман 2000, 315]. В книге «Метафоры, которыми мы живем» пространство дома также рассматривается как метафора вместилища [Лакофф, Джонсон 2004, 54], т.е. это внутреннее ограниченное «помещение», замкнутость которого может быть проницаемой. Домом может быть как собственно жилище, так и город или страна, воспринимаемые как пространство, имеющее границу и подразумевающее возможность нахождения внутри. В современных работах, посвященных образу дома, применяются разные подходы: от исследования мифологемы дома с опорой на труды Е.М. Мелетинского, В.Я. Проппа, В.Н. Топорова, Дж. Кэмпбелла, К.Г. Юнга и других

до концепции П. Нора дома как «места памяти». Эти же методы применимы и к литературе эмиграции.

Далее будет рассмотрено, как в современной боснийской литературе беженцев (*refugee literature*, *Flüchtlingsliteratur*), т.е. в произведениях, написанных беженцами или о них, реализуется мотив дома: 1. Что именно понимается под домом (жилище, родной город, страна); 2. Описывается ли (и как) процесс утраты дома; 3. Возможно ли обретение нового дома; 4. Возможно ли возвращение или восстановление утраченного дома. Материалом для исследования стали сборники рассказов «Дневник переселения» (1993) Дж. Карахасана, «Сараевское Мальборо» (1994) М. Ерговича, относящиеся к «осажденной» литературе¹, и романы «Три одиночества, или Место незавершенных дел» В. Капор (2010) и «Поймать зайца» Л. Басташич (2018), написанные значительно позже.

Для выбранных произведений характерно восприятие дома как расширенного топоса, не ограниченного собственно жилищем, напротив, разрастающегося до масштабов города (Ергович, Карахасан), города и его ближайших окрестностей (Капор) или даже страны (Басташич). Если для Карахасана и Ерговича дом становится пространством разрушающимся — буквально (рушащиеся стены) и метафорически (переход в состояние бездомности, влекущее за собой частичную утрату идентичности), то для Капор это пространство памяти, символ давно утраченного, но необходимого для целостности личности: «Так бывает в родных краях. Он привязывает тебя к себе крепчайшими и тончайшими нитями, если ты настоящий человек. И только здесь ты бываешь сам собой»². В романе Басташич утраченный дом отнюдь не идеализуется, он резко противопоставлен цивилизованному новому *home*: «Номе была наша квартира, наши книги, наша кровать с анатомическими подушками, наш испорченный душ, уточка на плитке в ванной, царапины на паркете. И даже голый мужчина в нашем окне. Номе — это не Босния. Босния — это нечто другое. Ржавый якорь в зассанном море. До сих пор нужно делать прививку от столбняка, хотя прошло столько лет»³.

Очевидно, что дом в осажденной литературе теряет свою защитную функцию, поскольку, понимаемый как конкретное здание или же как город в осаде, сам становится источником опасности. Однако для героини романа «Три одиночества...», вернувшейся в родной Городок, он сохраняет эту функцию, более того, безопасность «своего» пространства начинает распространяться и на ее дочерей, как будто конкретный дом «закреплен» не только за его жильцами, но и за их потомками: «Внизу, на дне долины, две девочки входят в дом и выбегают из него. Им интересно в новом пространстве. Она оставила их в сердце своего детства. Одних. В любом другом месте побоялась бы это сделать. *Здесь они в безопасности*, думает она. *И здесь они дома*»⁴. Метафора сердца представляется чрезвычайно удачной и для данного исследования: в анализируемых произведениях дом в широком понимании может сужаться до конкретного строения, сердца, сердцевины, центра.

Для Карахасана, однако, таким центром становится город Сараево: «Все, что в мире возможно, есть в Сараеве, уменьшенное, сведенное до своей сути,

¹ Обозначение «осажденная» литература предложено в главе «Топос Сараева в “осажденной” литературе: Дж. Карахасан, М. Ергович, К. Заимович» в коллективной монографии «Топос города в синхронии и диахронии: литературная парадигма Центральной и Юго-Восточной Европы» [Шатко 2023] для особой категории художественных текстов, написанных 1) авторами-свидетелями осады, 2) непосредственно во время осады.

² Капор, 115. Пер. В.Н. Соколова.

³ Басташич. Пер. Л.А. Савельевой.

⁴ Капор, 137. Курсив авторский.

но есть, потому что Сараево — центр мира (внешнее всегда содержится во внутреннем)?»⁵. Он сравнивает город-дом с Иерусалимом: «Я бы вынес, что нет воды и электричества, что нечего есть и что холодно, но как вынести, что я остаюсь в своем городе один?! Как будто я верю в единство всего мира, тогда как оно подтверждается только в Иерусалиме? Как мне жить, если мы с Иерусалимом одни, одни, запертые в своих монологах?»⁶. В «Дневнике переселения» Сараево описан как мультикультурный и мультирелигиозный котел, неумолимо этот образ разбивается о реальность войны: разрушаются не только здания, хранители семейных историй и воспоминаний, но и город, открытый и закрытый одновременно. Город-дом Карахасана, таким образом, нарушает восприятие дома как пространства закрытого [Топорков 1995, 168].

Дом разрушается и, в связи с этим, утрачивает еще одну свою основополагающую характеристику — безопасность. Поэтому зачастую, даже если физическое воплощение дома сохранено, он становится утраченным навсегда. Герой Ерговича говорит: «Я верил, что это чудо, что у меня дом и машина после этого сумасшедшего дня и еще более сумасшедшей ночи остались целыми. Но с течением времени я понял, что ничто не спасено, просто еще не пришло время расставания. Оно должно прийти постепенно, чтобы я ощутил его каждой своей клеткой, до тех пор пока не пойму, что в этом городе, кроме убитых и разорванных на куски людей, разрушенных зданий и позабытого детства, мне не принадлежит ничего...»⁷. Восприятие пространства как «своего» связано в том числе с безопасностью, ее отсутствие может превратить дом не просто в «чужое» пространство (не-дом), но даже и во враждебное («Лет на сто старше, чем был еще месяц назад, он вышел из дома...»⁸, «сараевский ад»⁹), в антидом.

Процесс утраты дома наиболее подробно и ярко представлен в сборнике «Сараевское Мальборо», многие герои рассказов покидают город, как будто понимая, что это нечто гораздо большее, нежели просто перемещение в пространстве: «От одной страны, мечтаний и планов ее людей и бесчисленных боснийских миров осталось настолько мало, что и самые упрямые захотели спасти головы, хотя и не знали, что с ней потом делать»¹⁰, «Город остался где-то за спиной, ужасающе недостижимый, а перед Юришичами открылся неосаженный мир», «Сараево там же, где был, но нас больше нет»¹¹. Если Ергович показывает процесс утраты дома через образы обычных людей, вынужденных бежать из осажденного города, то Карахасан описывает собственный опыт такого переживания и его более позднюю рефлексию: «Тогда я об этом не думал [...], потому что нужно было убирать битое стекло из оконных рам, но теперь, когда я записываю некоторые образы, отягощающие мою память, я готов поклясться, что именно тогда, когда я впервые осознал, как красиво мое здание в Мариндворе [район в Сараеве], осознание того, что я прощаюсь со своим домом, проникло в меня и буквально причинило мне боль. Раньше я его узнавал, теперь вижу; раньше я жил в нем, и теперь я его чувствую и люблю, это значит, что я с ним прощаюсь, это значит, что он становится памятью, потому что мы обретаем полную ценность всего, с чем сталкиваемся, только когда то, с чем

⁵ Karahasan, 8. Здесь и далее перевод мой. — Е.Ш.

⁶ Karahasan, 59.

⁷ Jergović, 25. Здесь и далее перевод мой. — Е.Ш.

⁸ Ibid., 20.

⁹ Ibid., 36.

¹⁰ Ibid.

¹¹ Ibid., 113.

мы столкнулись, переходит из этого мира в память»¹². Дом, таким образом, перестает быть местом действия, убежищем, перестает быть противопоставленным окружающему миру, исчезает из реального пространства, оставаясь пространством памяти, более того — переносится в пространство памяти, становится призрачным, иллюзорным и недостижимым.

Интересно, что в выбранных произведениях, относящихся к литературе беженцев, встречаются и персонажи, не покинувшие дом, и соответственно, как будто не пережившие его утрату. В рассказе «Могила» («Сараевское Мальборо») герой в разговоре с американским журналистом на вопрос, почему он остался в Сараеве, отвечает: «я тут не остался, я тут родился». Однако осада города не проходит для него бесследно: в планах боснийца нет жизни, он все же именно *остался* здесь, чтобы быть похороненным на одном из сараевских кладбищ, откуда открывается вид на весь город, а не в Америке, где «мертвецы выстраиваются, как военные, — строим»¹³. В романе «Три одиночества...» герой «испугался пустоты наступающих лет. Тишина, сотканная из минувшего убежище от беспокойного мира, вдруг показалась ему клеткой, стеклянной (он видел мир, но не участвовал в его жизни), из которой надо выбраться хоть на мгновение, но не получалось. Навалилось на него собственное сознание, и был он уже мертв, ибо понял, что играть и не играть суть одно и то же»¹⁴. В обоих приведенных примерах дом трансформируется, навсегда теряя витальность, застывая во времени и заставляя героя перестать жить и начать ждать смерти в, по сути, уже отмершем пространстве — пространстве не-дома, ложного дома, сохраняющего лишь внешние признаки утраченного.

Если, оставаясь в искореженном войной пространстве, герои оказываются зажатými в ложном доме, то покинувшие это пространство персонажи стремятся (вос)создать новый дом. Ергович в рассказе «Боснийский котел» прямо заявляет, что «в Загребе было невозможно реконструировать утраченный мир мечтаний. Планы в местных кофейнях казались пустыми и натянутыми и становились ложью еще до того, как их произнесут»¹⁵. Яркой метафорой невозможности обретения дома становятся безуспешные поиски боснийского котла, особой формы посуды для приготовления одноименного блюда: такой глиняный котел не купить в Загребе, да и в Сараеве он не продается, он просто есть в каждом доме. В романе «Три одиночества...» героиня также признается, что за долгие годы в эмиграции так и не обрела новый дом: «Карл раздергивал шторы и позволял свету орошать все части их дома. *Дома* — думала она. “Дом бывает только один. Дом — это Городок”, — говорила она ему»¹⁶. По ее мнению, беженцы делятся на тех, «кто со стеснением и неохотно признается в обществе, откуда ты родом», и тех, кто сообщает о своей родине «с гордостью»¹⁷. Первые «заглатывают малую родину, как змея жабу, и *выдумывают* себе новую!»¹⁸. Вторых всю жизнь терзает желание вернуться («лихорадка, которая время от времени охватывала ее и очень часто делавшей ее безумной. Несчастной. Незавершенной»¹⁹). И те, и другие оказываются в пространстве не-дома, вымышленного или же раздираемого тоской по утраченному исконному дому. Басташич в

¹² Karahasan, 26.

¹³ Jergović, 71.

¹⁴ Kanop, 22.

¹⁵ Jergović, 36.

¹⁶ Kanop, 100.

¹⁷ Там же, 115–116.

¹⁸ Там же, 116.

¹⁹ Там же, 103.

романе «Поймать зайца» вкладывает в уста главной героини неутешительная мысль: «люди, которые слишком часто переселяются, теряют чувство дома»²⁰, лишая ее возможности обрести даже иллюзию «своего» пространства.

Если же обрести новый дом представляется невозможным, то есть ли шанс вернуться? Для осажденной литературы ответ однозначный — нет. Город-дом разрушен, изменен до неузнаваемости, покинут, безвозвратно утрачен [Шатько 2023, 202–222]. Капор же дает на этот вопрос несколько ответов: выше приведен пример трансформации дома в не-дом для не покинувшего разрушающийся Городок героя, другой вариант, предлагаемый автором, — возвращение героини спустя много лет («Некуда мне больше вернуться. Надо вернуться»²¹). Она возвращается дважды: первый раз, когда «война уже накапливалась под небосводом, и она должна была пережить все беды здесь»²², «первый раз она вернулась, чтобы запереть дом»²³. После войны ее долго не было в Городке, который, однако, «парил у нее перед глазами как фата-моргана, как обетованная вечность и как проклятая долина. Она никогда не говорила о нем. И только непрестанно мечтала о нем»²⁴. Спустя много лет она снова возвращается, подавшись этому внутреннему зову. Сперва пространство прежнего дома не кажется ей своим: отвечая дочерям на вопрос «чье это все?», она говорит «ничье», а затем поправляет себя и присваивает пространство: «Общее. Наше»²⁵. Теперь она уже отпирает дом, и он снова становится частью ее самой: «Она носится по дому по всем направлениям. Распахивает заколоченные окна. В сердце дома, в ее сердце врывается прохлада позднего вечера»²⁶. Возвращение возможно, однако в заново обретенном доме царит особое время: «Ее разрывает между городской вечностью Городка и действительностью, она на мгновение застревает в часах, в которых вечно пересыпается все тот же песок. Как будто кто-то переворачивает их, и она окончательно теряет представление о времени, в котором находится»²⁷; иной характер времени ощущают и ее дочери («Судя по скорости, с которой они носятся, они увлечены новым временем»²⁸). Для героини Капор возвращение домой оказывается не только возможным, но и целительным: «*Это тот миг, о котором я мечтала*, думает она. *Это тот миг...*»²⁹. Обретенное (наконец-то!) спокойствие и умиротворение становится финальным аккордом романа, что позволяет предположить, что для героини возвращение становится преодолением травмы. В пользу этого предположения говорит и то, что остается неизвестным, надолго ли героиня вернулась, вероятно, это неважно. Важнее исцеление от многолетней лихорадки.

В центре романа «Поймать зайца» — возвращение героини домой. Ею движет та же лихорадочная тоска, что и героиней «Трех одиночеств...», несмотря на не самые лестные описания родины, приведенные выше. «Зачем тебе ехать домой?» Неме. У меня были готовы ответы. Я представила ему [парню] абсолютно убедительный рассказ о великолепной возможности повидаться с матерью, привести в порядок кое-какие документы, забрать оставшиеся пластинки,

²⁰ Басташич.

²¹ Капор, 101.

²² Там же, 88.

²³ Там же, 90.

²⁴ Там же, 94.

²⁵ Там же, 129.

²⁶ Там же, 128.

²⁷ Там же, 86.

²⁸ Там же, 137.

²⁹ Там же, 138.

рассказ о школьной подруге и ее брате, который, похоже, в Вене, [...], рассказ о дешевых авиабилетах и о том, как мне всегда хотелось увидеть Мостар, какой это отличный тайминг, рассказ обо всем и ни о чем. Мне показалось на мгновение, что он поймет, в чем дело, увидит дыры в моем неуклюжем коде, что он мне скажет, что об этом не может быть и речи»³⁰. Путешествие оказывается сложным, наполненным болезненными столкновениями с осуждением, неприятием ее темы, кто, как ей казалось, имеет схожий с ней опыт, однако годы ее отсутствия создали непреодолимый разлом. Возвращение оказывается возможным лишь географически, «мигрант не может вернуться домой» [Иглтон 2012, 95], то, чего жаждала героиня, недостижимо, как и посещение дома, в котором когда-то жила ее семья: «то, что я обнаружила, оказалось лишь памятником моему дому, обросшему травой, облупленному и забытому»³¹.

В проанализированных художественных текстах, относящихся к литературе беженцев, дом понимается широко (как город, регион или страна, лишь изредка сужаясь до собственно жилища. Образы города-дома или страны-дома характеризуются большей открытостью, нежели то предполагает традиционное восприятие пространства такого типа. Военные действия (описанные в тексте или же оставшиеся за его пределами) лишают пространство дома функций защиты и обеспечения безопасности, превращая его в пространство не-дома и реже — в антидом. Пространство утрачиваемого или уже утраченного дома переносится (или трансформируется) в пространство памяти. Утрата дома переживается героями как травма, выраженная словесно или же описываемая как зияющая пустота, восполнить которую невозможно. Из представленных произведений только в романе «Три одиночества...» травма преодолевается — возвращение домой оказывается терапевтичным.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Басташич Л.* Поймать зайца. М.: Эксмо. 2021. URL: <https://www.litres.ru/book/lana-bastasic/roymat-zayca-65714182/chitat-onlayn/> (дата обращения: 01.03.2025).
Капор В. Три одиночества, или Место незавершенных дел. СПб.: Издательско-Торговый Дом «Скифия», 2017. 144 с.
Karahasan Dž. Dnevnik selidbe. Sarajevo: Connectum, 2010. 102 s.
Jergović M. Sarajevski Marlboro. Podgorica: Nova knjiga, 2016. 144 s.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Иглтон Т.* Идея культуры. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012. 192 с.
Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство — СПб, 2000. 704 с.
Маслова В.А. Когнитивная лингвистика. Минск: ТетраСистемс, 2004. 256 с.
Топорков А.Л. Дом // Славянская мифология: Энциклопедический словарь. М.: Эллис Лак, 1995. 416 с.
Топорова Т.В. Семантическая структура древнегерманской модели мира. М.: Радикс, 1994. 192 с.
Шатко Е.В. Топос Сараева в «осажденной» литературе: Дж. Карахасан, М. Ергович, К. Заимович // Топос города в синхронии и диахронии: литературная парадигма Центральной и Юго-Восточной Европы. Коллективная монография / отв. ред. Н.Н. Старикова. (Серия «Литература XX века»). М.: Институт славяноведения РАН, 2023. С. 198–228.

Рукопись поступила в редакцию 31.03.2025
Рукопись принята к печати 21.04.2025

³⁰ *Басташич.*

³¹ Там же.

REFERENCES

- Iglton T. *Ideia kul'tury*. Moscow, Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki Publ., 2012, 192 p. (In Russ.).
Lakoff Dzh., Dzhonson M. *Metafori, kotorymi my zhivem*. Moscow, Jeditorial URSS, 2004, 256 p. (In Russ.).
Lotman Iu.M. *Semiosfera*. St. Petersburg, Iskusstvo – SPB, 2000, 704 p. (In Russ.).
Maslova V.A. *Kognitivnaia lingvistika*. Minsk, TetraSistems, 2004. 256 p. (In Russ.).
Shat'ko Je.V. Topos Sarajeva v «osazhdennoi» literature: Dzh. Karakhasan, M. Jergovich, K. Zaimovich. *Topos goroda v sinkhronii i diakhronii: literaturnaia paradigma Tsentral'noi i Iugo-Vostochnoi Jevropy*. Kollektivnaia monografiia, otv. red. N.N. Starikova. (Seriia «Literatura KHKH veka»). Moscow, Institut slavianovedeniia RAN, 2023, pp. 198–228. (In Russ.).
Toporkov A.L. Dom. *Slavianskaia mifologii: Entsiklopedicheskii slovar'*. Moscow, Ellis Lak, 1995, 416 p. (In Russ.).
Toporova T.V. *Semanticheskaia struktura drevnegermanskoi modeli mira*. Moscow, Radiks, 1994, 192 p. (In Russ.).

Received on 31.03.2025

Accepted on 21.04.2025

Информация об авторе:

Шатько Евгения Викторовна
кандидат филологических наук,
научный сотрудник
Институт славяноведения
Российской академии наук
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0001-9467-8987
E-mail: eshatko@gmail.com

Information about the author:

Evgeniia V. Shatko
PhD (Philology),
Sciences Researcher
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0001-9467-8987
E-mail: eshatko@gmail.com